

**АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ /
ARCHEOLOGY AND QUESTIONS OF THE HISTORY OF ANCIENT RUS'**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-55-73>

УДК 271.2-9"8/12"-7

**НЕСКОЛЬКО СУЖДЕНИЙ О КАНОНИЧЕСКО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ
СОЗДАНИЯ МОНАСТЫРЕЙ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ**

П. И. Гайдено

*Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
ул. 2-я Бауманская улица, 5, стр. 4, Москва, 105005, Российская Федерация
Московский государственный Лингвистический университет,
ул. Остоженка дом 38 стр., Москва, 1119034, Россия*

Аннотация

Введение. Исследование посвящено проблеме становления древнерусского монашества XI–XIII вв. Основное внимание статьи сосредоточено на вопросах признания архиерейскими кафедрами иноческих общин в качестве полноправных монастырей, а также на административно-канонических правах древнерусских архиереев. Автора интересует то, как развивались и изменялись отношения епископата и монастырей. Предложенный в работе анализ сообщений о начале первых русских монастырей позволяет сделать некоторые предварительные суждения не только в области истории отношений епископата и иноческих общин, но и о развитии канонических представлений внутри церковной организации, выявив особенности этих процессов в различных землях. **Материалы и методы.** Основными источниками для работы стали опубликованные и хорошо известные источники по ранней истории Русской Церкви: древнерусское летописание, комплекс текстов, связанных с историей Киево-Печерского монастыря, 25 граффито, а также источники по ранней истории монастыря Антония Римлянина. **Результаты.** В результате автор приходит к следующим выводам. Во-первых, процесс признания монашеских поселений и образований со стороны епископских кафедр был сложен и отражал крайне непростую каноническую и административную ситуацию на Руси. Если на начальном этапе, в первый век после событий Крещения, здесь господствовала предельная свобода, выражавшаяся в том, что основание большинства иноческих поселений возникали исключительно по желанию иноков или по воле князей, то со временем наблюдается тенденция к расширению прав архиереев в области контроля монашеской жизни. Первый успешный для кафедр опыт полноценного влияния архиереев на иноческую жизнь обнаруживается в эпоху князя Всеволода и митрополита Иоанна Продрома. Однако участие епископов в основании обителей и освящении монастырских храмов стало нормой только с конца XII в. Исключением в этом ряду стал Новгород, где монастырская жизнь была взята под контроль епископами уже в начале XII в. Во-вторых, совершенно очевидно, что на начальном этапе христианизации Руси большинство монастырей возникали без признания со стороны епископата. В нём просто не нуждались. Единственная власть, к которой прибегали таковые поселения – княжеская.

Заключение. Не смотря на сложность канонической ситуации на Руси в условиях XI–XIII вв.? в монастырях присутствовало понимание того, что создание иноческой общины совершенно не гарантировало признание за ней статуса монастыря со стороны кафедр. Для признания легитимизации общины требовалось помимо всего создание комплекса хозяйственных и церковных строений, обеспечивающих статус иноческой общины. Однако первые поколения иноков более беспокоились не о создании монастырей, а о собирании общины единомышленников ради спасения. Что же касается поставленного вопроса о том, с какого момента община чернецов становится монастырём, то для иноков этот этим моментом становится создание обители. Для епископата же монастырь возникал лишь после получения святительской санкции при условии наличия необходимых строений и освящения храма.

Ключевые слова: история Древней Руси, древнерусское монашество, Русская церковь, каноническое право, церковно-государственные отношения

Для цитирования: Гайденко П.И. (2023). Несколько суждений о каноническо-правовых основаниях создания монастырей в домонгольской Руси // История: факты и символы. № 4 (37). С.55-73 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-55-73>

Статья поступила: 10.07.2023

Статья принята в печать: 29.10.2023

Статья опубликована: 19.12.2023

© Гайденко П., 2023

SEVERAL SENTENCES ON CANON LAW FOUNDATIONS OF MONASTERY CREATION IN PREMONGOLIAN RUSSIA

Pavel. I. Gaydenko

Bauman Moscow State Technical University

st. 2-nd Baumanskaya, 5, building 4, Moscow, 105005, Russian Federation

Moscow State Linguistic University,

st. Ostozhenka, 38, Moscow, 1119034, Russia

Abstract

Introduction. This study focuses on the formation of ancient Russian monasticism in the 11th-13th centuries. The main emphasis of the article is on the recognition of foreign communities as fully-fledged monasteries by episcopal cathedrals, as well as on the administrative-canonical rights of ancient Russian bishops. The author is interested in how the relationship between the episcopate and monasteries developed and changed. **Methods.** The analysis of the information on the establishment of the first Russian monasteries allows for some preliminary judgments not only in the field of the history of relations between the episcopate and monastic communities, but also regarding the development of canonical concepts within the church organization, revealing the peculiarities of these processes in different lands. Materials and methods. The main sources for this work were published and well-known sources on the early history of the Russian Church: ancient Russian chronicles, a collection of texts related to the history of the Kiev-Pechersk Monastery, 25 graffiti, as well as sources on the early history of the Antonius Romanin Monastery. **Results.** As a result, the author comes to the following conclusions. Firstly, the process of recognizing monastic settlements and institutions by episcopal cathedrals was complex and reflected the extremely difficult canonical and administrative situation in Russia. If in the initial stage, in the first century

after the events of the Baptism, there was maximum freedom, expressed in the fact that the majority of monastic settlements were founded solely at the desire of the monks or at the will of the princes, then over time there is a tendency to expand the rights of the hierarchs in the control of monastic life. **Conclusion.** The first successful experience of full influence of the hierarchs on monastic life for the cathedrals is observed in the time of Prince Vsevolod and Metropolitan John the Baptist. However, the participation of bishops in the foundation of monasteries and the consecration of monastery churches became the norm only from the end of the 12th century. An exception to this series was Novgorod, where monastic life was brought under the control of the bishops already in the early 12th century. Secondly, it is obvious that in the initial stage of the Christianization of Russia, most monasteries were established without recognition from the episcopate. They simply did not need it. The only authority to which such settlements resorted was the princely authority.

Keywords: initiation, old age, history of the rite of passage, technology of the rite of initiation

For citation: Gaydenko, P. (2023). Several sentences on canonical-legal foundations of monastery creation in premongolian Russia In *History: facts and symbols*, 37, 4, pp. 55-73 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-55-73>

Received: 10.07.2023

Revised: 29.10.2023

Published: 19.12.2023

© Gaydenko P., 2023

1. Введение

Идея данной статьи родилась под впечатлением, полученным при работе с тремя публикациями, посвященными возникновению и деятельности монастырей в Древней Руси, а также во время дискуссий о том, что есть монастырь. Прежде всего, это замечательная диссертация талантливого московского исследователя А. В. Носова [17], во-вторых, аккуратная, хорошо продуманная и содержательная статья успешного российского историка А. Е. Тарасова [31; 32] и, наконец, доклад старательного петербургского церковного автора прот. Дмитрия Пономарева, посвятившего свои работы малым монастырям Руси [22; 23]. Примечательной стороной всех перечисленных работ является то, что авторы сформулировали к прошлому вопросы, которые для современников исследуемых эпох едва ли имели то значение и звучание, какое они представляют для исследователей наших дней. Однако без ответа на эти вопросы едва ли наш современник сможет понять то далёкое прошлое.

2. Материалы и методы

Число письменных источников, сообщающих о тех или иных обстоятельствах открытия монастырей на Руси XI-XIII вв., невелико, к тому же все эти известия разбросаны во времени и пространстве, что уже само по себе призывает к осторожности при выявлении каких-либо «закономерностей». Корпус источников, доносящих данные сведения, хорошо известен и охватывает ряд летописных записей: известия Киево-Печерского патерика, несколько житий (преп. Феодосия Печерского, преп. Евфросинии Полоцкой, преп. Антония Римлянина, преп. Варлаама Хутынского и Антония Дымского) и два акта. Во-первых, это договор о приобретении земли Бояна для нужд Кирилловской церкви (т.н. 25 граффити) и, во-вторых, купчая Антония Римлянина. Не меньший интерес представляют данные археологии, позволяющей посмотреть на различные стороны ранней истории монашеского существования. Между тем, знакомство с источниками позволяет убедиться, что представления о монастыре в иноческой среде и в кругу епископата различались. Более того, особое представление об обителях, кажется, присутствовало и в княжеской среде.

Преодоление имеющихся противоречий позволило бы прийти к пониманию того, при каких условиях иноческая община могла приобрести признание.

3. Результаты

Особую остроту проблема легитимизации монастырей приобретает в контексте отношения обитателей и святительских кафедр, за которыми, собственно, и сохранялось право на регламентацию монастырской жизни. И всё же, как показывают исследования последних лет, при всем желании церковных и государственных властей XVI-XVII вв. придать монашеству жесткие институциональные рамки и навязать иночеству некие критерии, как черноризцы, так и их общины-монастыри продолжали существовать, руководствуясь своими представлениями о том, как надлежит организовывать обители или по меньшей мере иноческую жизнь. И в этих представлениях, как на раннем этапе христианизации Руси, так и в последующие эпохи, в стенах монастырей, кажется, далеко не всегда находилось место правящему епископу и даже митрополиту. Особенно отчетливо данное обстоятельство прослеживается и даже видно на примере истории киевских монастырей домонгольской поры, посещение которых киевскими первосвятителями в качестве правящих епископов своего города и округа имело единичный характер, либо вообще никак не отмечено. Пожалуй, первым киевским митрополитом, который сумел реализовать свое право освящать монастыри, стал Иоанн Продром⁷. При всём своём немногословии ранние русские источники вполне красноречивы.

Например, ничто не указывает на то, что, селясь вблизи княжеского замка под Берестовым, преп. Антоний, его преемники и их ученики брали благословение у митрополита или местной епископии-митрополии как таковой. Аналогичным молчанием о какой-либо роли местных архиереев окружены летописные сообщения о создании князьями-ктиторами большинства первых родовых княжеских монастырей⁸. Безусловно, в своём монашеском строительстве Русь ориентировалась на византийские образцы, но, скорее всего, из всего обилия примеров устройства монашеского существования на Руси XI-XIII вв. лучше всего восприняли наиболее радикальные формы поведения иноков, что вероятно, объяснялось, в том числе, и происхождением монашествующих. Закрепляясь в пустынном или же, напротив, в обустроенном месте, а в последующем создавая свою обитель, древнерусский чернец подражал монашествующим прошлого и искал, прежде всего, спасения, а не того, что сегодня мы бы назвали «монастырским строем». В пользу этого говорит то, что текст Киево-Печерского Патерика пронизан отсылками к патерикам древности [1, с. 131-184; 18, с. 253-315]. В крайнем случае, он мог действовать по послушанию от своего духовного отца, как это было в случае с Антонием⁹, либо по воле князя-ктитора, определявшего для своего протеже новое место молитвенного подвига и

⁷ Показательно, что первое посещение обители приходится на 1085 г., когда был освящён Андреевский, Янчин монастырь [21, стб. 197]. Через четыре года был торжественно освящён монастырский храм св. Михаила [21, стб. 199], а на следующий 1089 г. митрополит уже почтил своей службой Печерский монастырь [21, стб. 199; 12, с. 312, 314]. Примечательно, что второе торжественное присутствие митрополита в Киево-Печерской обители отмечено лишь спустя 97 лет в 1182 г. при постриге и возведение на игуменство священника Василия [14, с. 486, 488].

⁸ Печерский Патерик предельно откровенен. Повествуя о приходе Антония в Киев, он оставил довольно нелицеприятную оценку городским монастырям и сообщает, по сути, о своевольном размещении Антония вблизи Берестовского замка. Примечательно, что, селясь на днепровских кручах, Антоний не стал брать не только святительского, но и княжеского разрешения: «И Антоние же отъиде в Русию, и прииде въ град Киевъ, и мысляше, гдѣ пребыти. И походи по манастырем, и не възлюби ни въ едином же, гдѣ бы жительствовати: Богу не волящю. И нача ходити по дебрем, и по горамъ, и по всем мѣстомъ. На Брестовое прииде, и обрете печеру, и вселися в ню, юже бѣ ископали варязи, и в нѣй пребысть в велицем въздержании» [12, с. 318].

⁹ Преподобный Антоний отправился в странствие на Русь по воле своего игумена: «Рече же ему игумень: ”Антоние, паки иди в Русию, да тамо прочим на успѣхъ и утвержение будеши, и буди ти благословение Святыя Горы“» [12, с. 316].

служения¹⁰. Условия специфического строя древнерусского государства XI-XIII вв., допускавшие по факту существование полифонии канонических юрисдикций (княжеских, городских, святительских и иных), в чём княжеская власть, кажется, не видела для себя каких-либо затруднений, фактически предоставляли для монашества широчайшую внутреннюю свободу. В итоге, вступая на путь устройства места своего спасения и будущей обители, монах чаще всего руководствовался одной лишь христианской ревностью и стремлением к аскетическим подвигам. Именно этим можно объяснить то, что применительно к домонгольской Руси большинство первых монастырей создавалось без святительского благословения, что вступало в противоречие, как с церковными канонами, так и императорскими законами, запрещавшими подобную инициативу, грозя ослушникам суровой карой церковного отлучения.

Между тем, вопросы о том, всякое ли иноческое поселение можно признавать за монастырь, как таковой должен быть устроен и как обязаны себя вести иноки, пожелавшие создать свою обитель, определялись монастырскими уставами, дававшимися ктиторами и/или отцами-основателями общины. В общецерковном же отношении таковые требования были изложены в 4 правиле IV Вселенского Халкидонского собора, главный акцент которых был сделан на безусловной подчинённости иноков местному епископу¹¹. Однако как обстоятельства созыва данного епископского собрания, так и решительность проведенных через его горнило мер по укреплению, как полагали участники этого грандиозного церковного события, церковной дисциплины, имело ряд драматических последствий и едва ли привнесло мир в бурное течение христианской жизни. Принятые тогда нормы в отношении монашествующих скорее отражали стремления епископата не к совершенствованию иноческой жизни, а к ее окончательному административному и каноническому подчинению святительской власти. Тем более, что уход человека в монастырь из христианского мира – это оппозиция (порой осознаваемая, а порой и не осознаваемая), выражающаяся в признании того, что этот христианский мир победившей церкви может быть не просто несовершенным, но и враждебным духу Евангелия¹². Окончательное же юридическое закрепление норм Халкидонского собора в отношении монашества и архиерейской власти произошло только во время правления императора Юстиниана в целом ряде новелл: 5-й (535 г.), 133-й (539 г.), 76-й (539 г.), 123-й (546 г.). Так, например, 5 новелла Юстиниана строго прописывала порядок учреждения монастырей и наказания за его нарушение. По сути, она воспроизводила требования Халкидонского собора и одновременно уточняла и разъясняла, в чём и в какой именно форме должна выразиться воля епископа при открытии монастыря: *«Прежде всего прочего следует сказать о том, что во всякое время и во всякой земле нашей империи если кто-либо захочет основать святой (εὐαγγέλιος) монастырь, то он не в праве делать этого, пока не пригласит боголюбивейшего епископа тех мест, и тот, с молитвой воздев руки к небесам, посвятит то место Богу, водрузив на нем символ нашего спасения (мы имеем ввиду чтимый и во*

¹⁰ Подобный пример виден в истории преп. Варлаама, выведенного из Печерской обители по воле князя Изяслава на игуменство в княжеский Дмитров монастырь: «Монастырю же свершену, и игуменьство держащу Варламу, князь же Изяслав постави монастырь Святаго Дмитрея* и выведе Варлаама на игуменьство къ Святому Дмитрию <...>» [12, с. 320].

¹¹ При этом вносились некоторые уточнения. Например, 17 правило VII Вселенского собора запрещает монахам создавать монастыри, если на это не хватает средств, однако «Аще же имеет потребное к довершению: то преднамеренное им да приведется к концу». Причём данное правило распространялось на «мирян и для клириков» [24, с. 629-630].

¹² Примечательно, что прот. Владислав Цыпин, отмечал, что применительно к IV в. «расцвет монастырей объясняется главным образом снижением общего уровня нравственности церковного народа вследствие наплыва в Церковь недавних язычников после Миланского эдикта и христианизации государства» [33, с. 335]. Однако подобная оценка может быть применима и к другим периодам.

истину честной крест). Та ким образом, заложив некое благое и достойное основание, <можно> начинать строительство. Таковым да будет благочестивое начало создания святых монастырей» [16, с. 40].

По сути, регламентация шагов по созданию обителей была призвана навести в этом деле порядок и отчасти примирить амбиции сторон. Достаточно заметить, что в отличие от норм Халкидонского собора, довольствовавшихся утверждением административных прав архиереев над монастырями, требование императора Юстиниана всё же обязывало епископов молитвенно благословлять обители, а не ограничиваться проявлением административной воли. При этом, по мнению исследователей, данная норма в дальнейшем повлияла и на формулировки первого канона Двукратного собора [16, с. 40]. Что же касается домонгольской Руси, то проблема создания обителей и подчинения их епископской власти, рассматривалась, главным образом в отношении Печерского монастыря и монастыря Антония Римлянина. Однако в отмеченном контексте данный вопрос разрешён преимущественно в отношении монастырей более позднего периода. Применительно же к XI-XIII вв. присутствует необходимость и в систематизации известий сообщений источников, и в их анализе.

Действительно, уже упоминавшееся 4 правило Халкидонского собора устанавливало: *«Истинно и искренне проходящие монашеское житие да удостоиваются приличной чести. Но поелику некоторые, для вида употребляя одежду монашескую, расстраивают церкви и гражданские дела, по произволу ходя по градам, и даже монастыри сами для себя составлять покушаются: то разсуждено, чтобы никто нигде не созидал, и не основывал монастыря, или молитвенного дома, без соизволения епископа града. Монашествующие же, в каждом граде и стране, да будут в подчинении у епископа, да соблюдают безмолвие, да прилежат токмо посту и молитве, безотлучно пребывая в тех местах, в которых отрелись от мира, да не вмешиваются ни в церковные, ни в житейские дела, и да не приемлют в них участия, оставляя свои монастыри: разве токмо, когда будет сие позволено епископом града, по необходимой надобности. Да не приемлется также в монастырях в монашество никакой раб, без воли господина его. Преступающему же сие наше определение, определили мы быти чуждым общения церковного, да не хулится имя Божие. Впрочем, епископу града надлежит имети о монастырях должное попечение» [26, с. 337-342].*

Несколько уточняет эти правила Двукратный Константинопольский собор 861 г.: *«Созидание монастырей, дело столь важное и достохвальное, древле блаженными и преподобными Отцами нашими благорассудно изобретенное, усматривается ныне худо производимым. Ибо некоторые, дав своим именам и усадьбам имя монастыря и обещав посвятить оные Богу, пишут себя владельцами пожертвованного. Они ухищренно умыслили посвятить Богу одно лишь наименование, ибо не стыдятся усвоить себе ту же власть и после пожертвования, какую не возбранялось им иметь прежде. И такое корчемство примешалось к сему делу, что к удивлению и огорчению видящих, многое из посвященного Богу явно продается самими посвятившими. И не только нет в них раскаяния о том, что попускают себе властвование над тем, что единожды уже посвятили Богу, но и другим бесстрашно передают оное. Того ради, святой Собор определил: да не будет позволено никому созидать монастырь без ведения и соизволения епископа, но с его ведением и разрешением, и с совершением подобающей молитвы, как и древле Богоугодно законоположено, монастырь да созидается; все же, к нему принадлежащее, вместе с ним самим да вносится в книгу, которая и да хранится в епископском архиве. И пожертвователю без воли епископа отнюдь да не имеет дерзновения, самого себя, или вместо себя другого, поставить игуменом. Ибо если не может кто-либо быть обладателем*

того, что подарил человек, то как может быть попущено кому восхищать обладание тем, что он посвящает и приносит Богу» [25, с. 286-289].

Таким образом, учреждение монастыря предполагало, что основатель обители должен был получить на это согласие и разрешение местного архиерея, которому вменялось в обязанность вознести о новосозданной обители молитву, водрузить на её территории крест и внести название монастыря и всё хранящееся в его стенах в специальную книгу, сберегающуюся в епископском архиве. При этом на святителя возлагалась обязанность «иметь попечение» об обители, правда, без уточнения о том, что под этим «попечением» понимается. В последнем случае, в 1 правиле Двукратного собора все же говорится о ктиторском монастыре и о правах епископа над таковым. Судя по всему, в этом случае «попечение» сводилось к праву епископа контролировать имущество и хозяйственную жизнь монастыря, а также поставлять игуменов. Однако всё перечисленное касалось Византии и, как показывают исследования, было не столь однозначно. Что же касается ситуации в домонгольской Руси, то она видится не менее проблематичной.

Специфическое административно-политическое устройство Руси и ее каноническая полифоничность на начальном этапе¹³, несомненно, отражались и на церковной жизни, привнося в неё свои влияния и особенности. В полной мере данное замечание применимо и в отношении монашеской жизни. При этом, если к концу XIII в., как показывают результаты деятельности Владимирского собора 1273/74 гг., внутреннее устройство церкви стало приобретать некоторую целостность, ясность и каноническую упорядоченность, то начальный полуторовековой период истории местной церковной организации остается тем временем, о котором приходится говорить с предельной осторожностью. В полной мере высказанное замечание касается монашества и его отношений с епископатом.

Так как же происходило признание монастырей на Руси?

Первыми известиями о создании монастыря стали патериковые и связанные с ними летописные сообщения о начале Киево-Печерской обители. Это Слово 7 «Сказание, что ради прозвася Печерський монастырь» [12, с. 316-323], а также летописное известие Повести временных лет под 1051 г. [23, стб. 143-149]. Рассказывая о различных обстоятельствах, приведших к появлению на горе вблизи княжеского замка в Берестово монашеского поселения, источники ничего не сообщают о какой бы то ни было заметной роли митрополита (как правящего архиерея Киева и примыкающего к городу области) в деле создания монастыря. Более того, летописание и Патерик нарочито подчёркивают, что Антоний поселился на том месте, руководствуясь одним лишь благословением своего духовника и не найдя для себя достойного места в Киеве¹⁴. Вся дальнейшая история обители, как это хорошо показал М. Д. Присёлков, – история противостояния с первосвятительским митрополичьим престолом [26, с. 106-109, 175-176, 198-202, 219-221]. В итоге вопрос существования обители определялся не благословением русского первосвятителя, а волей

¹³ Более глубоко и подробно данная проблема и ее историография рассмотрены в работе прот. К. А. Костромина [13].

¹⁴ Например, такая зависимость отчетливо угадывается в период противостояния преп. Никона и князя Изяслава Ярославича из-за пострига боярского сына и любимого боярского скопца [9, с. 368-375]. В итоге именно княжеское благоволение позволило расширить территорию обители, когда монашеская община разрослась и возникла необходимость оставить пещеры и выйти на поверхность и привело к признанию Печерской иноческой общины в качестве монастыря: «<...> посла [преп. Антоний – П.Г.] единого от братиа къ князю Изяславу, рек тако: ”Княже благочестивый, Богъ умножаетъ братию, и мѣсце мало, просим у тебѣ, дабы еси нам даль гору ту, иже над пещерою“. Князь же Изяславъ, сиа слышавъ, зѣло радостень бысть, и посла к ним болярина своего, дасть им гору ту. Игумень же и братиа заложиша церковь велику и монастырь, оградиса столпиемъ, и кѣлиа поставиша многы, и церковь поставиша, и украсиша иконами. И оттоле нача зватися Печерський монастырь, понеже бѣаху жили черноризци преж в пещере. И оттоле прозвася Печерський монастырь, иже есть от благословенна Святыа Горы» [12, с. 320].

князей, на чьей территории обитель располагалась. Что же касается киевского митрополита, то первое его появление в качестве правящего епископа на территории обители было отмечено только под 1089 г. в период правления князя Всеволода Ярославича во время освящения Успенского собора [21, стб. 199; 12, с. 312-315]. Вероятно, именно это освящение стало актом официального включения обители в юрисдикцию кафедры, в пользу чего косвенно свидетельствует недовольство митрополита Иоанна присутствием на территории монастыря без его разрешения иных архиереев, прибывших на празднование самостоятельно, без соответствующего разрешения [12, с. 314].

Впрочем, особо почтительное воспоминание составителей Патерика о митрополите Иларионе и его роли в деле основания обители позволяет осторожно предположить, что легализация обители могла произойти и при нём. Однако никаких отчетливых признаков такого признания не обнаруживается ни в письменных, ни в каких-либо иных источниках. На территории обители не известно ни святительского креста, ни антиминос, никакого иного зримого символа епископской власти. Следовательно, надо допустить, что община продолжала существовать как независимая.

Впрочем, в сообщении Печерского патерика присутствует некоторое противоречие. Начиная историю монастыря с момента поселения Илариона, а вслед за ним преп. Антония и создания иноческой общины, агиограф всё же заявляет о том, что возникновение самого «монастыря» и именование («прозвание») общины «монастырем» произошло только во времена князя Изяслава, и только при этом князе обитель стали именовать «Печерской». Тогда что же существовало до этого и что в данном случае понимали современники тех событий под монастырем? При этом примечательно, что автор сообщения определенно различил создание «великой церкви» и «монастыря».

Следуя из последующего повествования, можно заключить, что под «монастырем», скорее всего, понимались устроенные на поверхности келии и церкви, обнесенные оградой в то время, как прежняя форма жизни отождествлялась исключительно с пещерами, местом иноческих подвигов. Что же касается Успенской церкви, то она становилась средоточием нового монастырского комплекса (всё же необходимо признать, что иноки меняли место своего проживания, переселяясь из пещер в келии), который, несомненно, ассоциировался с Афоном и Успенским храмом монастыря Ксилургу [34, с. 63-65]. Связь Руси с данной обителью хорошо прослеживается не только в комплексе письменных памятников, связанных с Киево-Печерским монастырем, но и с несколькими документами афонского происхождения [10]. Немаловажную роль в произошедших в Печерской обители изменениях играл и акт передачи князем обители земельного участка, что приводило к признанию за общиной статуса самостоятельной стороны правоотношений. То есть, судя по всему, до этого иноки обитали в пещерах лишь по снисходительности князя и официально закреплённых прав на проживание на княжеской земле не имели. В результате только с момента передачи земли и начала строительных работ, по мнению агиографа, исполнилось данное Антонию пророческое благословение, некогда приведшее инока на Киевские горы.

Таким образом, преп. Нестор, входивший в совет геронтов монастыря и, вероятно, несший послушание хартофилакса обители, хранителя монастырского архива¹⁵, очень ясно различал моменты создания монастыря как иноческой общины (или по меньшей мере иноческого поселения) и официальную легитимизацию обители, что, судя по всему, предполагало наличие некоего акта ее признания, твердое именование, обладание

¹⁵ Среди старцев монастыря преп. Нестор упомянут в патериковой истории о преп. Никите, будущем Новгородском епископе [12, с. 394]. Что же касается, возможной причастности преп. Нестора к архиву Печерской обители см. подробнее работу автора [3].

определенным местом, необходимыми строениями, церковью и оградой. Что касается акта признания, то таковым, скорее всего, стал не сохранившийся акт дарения или передачи участка княжеской горы под строительство, признававший факт существования обители князем. Ни о каком признании монастыря со стороны митрополита не упоминается.

Совершенно иная ситуация прослеживается в истории Антония Римлянина. В последние годы этой обители было уделено немало внимания в историографии. Однако в данном случае представляет интерес то, каким образом эта знаменитая обитель была легализована. И состояние источников несколько лучше, чем в истории Киево-Печерской лавры. О процессе открытия монастыря позволяют судить, не только Сказание и житие преп. Антония Римлянина, но и два примечательных акта: купчая и духовная основателя прославленной новгородской обители. Даже при том, что вопрос об аутентичности сведений, отраженных в этих источниках, представляет предмет научной дискуссии¹⁶, сообщения названных источников бесценны для данного анализа.

Сказание позволяет заключить, что создание пришлым иноком монастыря предполагало выполнение преп. Антонием ряда действий. Во-первых, по прибытии в город монаху надлежало предстать перед епископом, который в свою очередь должен был провести очное расследование о прибывшем [28, с. 254-259]. Только после этого иннок приобретал право на поселение и помощь кафедры и города¹⁷. Однако создание полноценной обители стало возможно только после того, как Антоний решил вопрос о земле, выкупив её у посадников¹⁸. Правда, последнее стало возможно лишь спустя год после прибытия, что, вероятно, объяснялось обычаями городского права, не допускавшим приобретения иностранцами городской земли. Судя по всему, только после того, как Антоний получил благословение архипастыря и выкупил земельные участки, уединённая келья приобрела полноценный статус монастыря. Окончательное же подчинение обители власти кафедры произошло в 1131 г. в период святительства еп. Нифонта с возведением Антония в игумены.

Таким образом, и в случае преп. Антония Римлянина агиограф признает, что монастырь возник («зачался») не с поселением инока, а только после того, как получил санкцию епископа, закрепил за собой землю посредством правовых процедур с помощью специально посланных лиц и совершил необходимые строительные работы, заключавшиеся, прежде всего, в возведении церкви и кельи. Близкую точку зрения можно, например, встретить у Л. А. Секретарь, по мнению которой, история Антониева монастыря начинается в 1106 г. только благодаря личному участию святителя Никиты с момента построения деревянной церкви на земле, выкупленной у новгородцев [27, с. 26, 240]. Правда, в случае преп. Антония Римлянина список приобретений и строений оказался шире, однако эти

¹⁶ Дискуссии о купчей Антония Римлянина см. в работах С. Н. Валка, В. Л. Янина и И. Ю. Анкудинова [4, с. 524-531; 36; 2].

¹⁷ «Святитель же Никита посылает посадников по Ивана и по Прокопия, по Ивановых детеи посадничих <...>. Посадницы же с любовию послушагша святителя. И отмериша под церквь и под монастырь земли, гп вся страны по пятидесят сажень. И повеле епископ Никита возградити церквь древяну малу и освяти ея и едину келеицу поставити, мнихомъ на прибежище» [30, с. 259]. Впрочем, необходимо признать, что «повелеть» другим возвести церковь и келью совершенно не означает принимать в этом строительстве личное участие. При этом под «повелением» вернее видеть не столько само указание, сколько разрешение или санкцию на право устройство храма и помещения для проживания Антония.

¹⁸ «А сам вземъ благословение у святителя и начатъ строити обитель. И купиземлю около монастыря у посадников градских, и съ живущими иже на той земли людьми прилучившимися и в протчая лета до скончания века, доколе Божиимъ строением миръ вселенная стоит. И при великой реце Волхове рыбную ловитву купи на потребу монастырю. И междунами отмежив, и писму вдав, и в духовную свою грамоту написал» [30, с. 263; 8, с. 159; 10, с. 159-161].

прибавления уже, скорее, отражали деятельный характер основателя обители, а не необходимое условие для признания иноческого поселения в качестве монастыря.

Не менее интересной видится ситуация и вокруг княжеских ктиторских монастырей, безусловно обладавших особыми правами и совершенно обоснованно выделенных Я. Н. Шаповым в отдельную группу [35, с. 131-148]. Вероятно, в местных каноническо-правовых реалиях их статус был сопоставим с положением царских монастырей в Византии. Во всяком случае, вслед за можно согласиться, что формы монашеской жизни в Византии впечатляют современного исследователя своим разнообразием [37; 38]. И царские монастыри в этом ряду занимают особое место. Очевидно, что Русь копировала византийские практики, в том числе, в деле организации монастырей, придавая этому процессу местное своеобразие. Во всяком случае в одном из своих сетований летописей пишет о «царских» и «боярских» монастырях, понимая под ними, несомненно, ктиторские обители, но различая их статусы так, как это имело место и в Византии. Между тем, ситуация на Руси обладала своей спецификой. В местных реалиях власть епископа не только над собственным духовенством, но и над монастырями устанавливалась крайне медленно. Так, анализ ситуации в Новгороде привел Л. А. Секретарь к заключению, что роль местного епископа в организации монастырей формировалась «постепенно» и, вероятно, укрепились только к концу XII в. Именно на это время, по меткому замечанию учёного, приходится «последние обители, основателями которых являлись князья» [27, с. 27]. В Киеве распространение и усиление власти первосвятителя над местными иноческими общинами также происходило медленно и поэтапно. Скорее всего, окончательное оформление закрепление киевских иерархов прав произошло только к середине XII в., когда интерес княжеской власти к столичным монастырям и обеспечению их канонической и политической автономии угас¹⁹, а положение митрополита, напротив, укрепилось. Примерно в это же время игумены становятся постоянными участниками торжественных церемоний, связанных с вступлением тех или иных правителей в Киев²⁰. Тогда же и изменяются формы летописных

¹⁹ Об этом можно судить по целой череде разграбления княжеских монастырей 1146, 1169/71 и 1203 гг. [20, стб. 418-419; 23, стб. 327-328, 544-545]. Соглашаясь с мнением Б. Н. Флори о том, что таковые разграбления могли указывать на слабость имущественных прав церкви и на то, что богатство ктиторских монастырей и церковью рассматривалось как княжеское [31, с. 50-53], всё же необходимо принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, данные в обитель вещи и ресурсы рассматривались в канонических нормах как сакральные, дарованные Богу, и князья не могли этого не знать. То есть монастыри и епископат выступали не столько собственником, сколько распорядителем, передававших ресурсы или богатств. Во-вторых, храмы и монастыри были подвергнуты разграблению не только соперниками, как это произошло в 1146 г., но и теми, кого можно было бы отнести к ктиторах. Во всяком случае в 1169/71 гг. город, а также его храмы и монастыри грабили не одни суздальцы, но и пришедшие с ними иные князья. Аналогична ситуация и в отношении событий 1203 г. Причём в последнем случае создаётся впечатление, что разграбление киевских храмов преследовало своей целью наказать не столько изгнанного князя, сколько город. То есть в последнем случае храмовое имущество рассматривалось в качестве своего рода городской собственности.

²⁰ Так, например, сообщая о вступлении князя Владимира Всеволодовича Мономаха на киевский стол, летописец всё ещё не замечает игуменов в празднествах. Запись о том, что князя встречал митрополит Никифор «съ епѣпы и со всеми Киѣне» [21, с. 276], никак не упоминает игуменов в торжественной процессии в качестве отдельной церковной группы. Данное обстоятельство позволяет допустить, что, вероятно, в условиях сомнительности прав Владимира Всеволодовича на Киевский престол настоятели княжеских монастырей предусмотрительно уклонились от участия в торжествах. Своим поступком Переяславский князь нарушил родовые принципы определения старейшинства среди князей. Первым претендентом на златой стол Матери городов русских являлся всё же не Владимир Всеволодович, а Олег Святославич. В этих условиях вероятный отказ игуменов княжеских монастырей от участия в крестном ходе, скорее всего, отражал мнение князей-ктиторов к совершавшемуся. Однако уже с середины XII в. ситуация изменяется. Однако в 1146 г. среди встречавших нового князя Изяслава Мстиславича отмечены уже и «игумены с черноризцами» [20, стб. 313; 23, стб. 327]. В дальнейшем такая практика встречи хоть и не станет неперенным церковно-политическим ритуалом, однако будет ещё несколько раз повторена.

известий об освящении монастырских храмов, отражая либо присутствие архиереев на закладке или освящении монастырей или храмов, либо их санкцию. Аналогичные изменения присутствуют и в сообщениях о церковной жизни Ростовской и Суздальской земель. Почти все эти записи существенно отличаются от более ранних известий, причем не только уже упоминавшихся и связанных с Печерским монастырём.

Так, Житие Феодосия, сообщая о создании в Тмутаракани нового монастыря преп. Никоном Великим, никак не упоминает о каком-либо участии в этом деле местного архиерея: «Великий же Никонъ отъиде въ островъ Тьмутороканьскый, и ту обрѣтъ мѣсто чисто близъ града, съде на немь. И Божиею благодатию въздрате мѣсто то, и църквь святаыя Богородица възгради на немь, и бысть манастырь славань, иже и донынѣ есть, прикладъ имый въ сий Печерьскый манастырь» [9, с. 374]. Аналогично преп. Антонием был создан монастырь на Болдиных горах близ Чернигова. Судя по всему, и на этот раз преп. Антоний заложил место, на котором в дальнейшем возникла обитель без какого-либо благословения со стороны черниговского архиерея. Единственной санкцией для подвижника было благоволение со стороны покровительствовавшего Антонию Святослава Ярославича: «Въ тыа же дъни приключися Изяславу приити из Ляховъ, и нача гнѣватися Йзяславъ на Онтониа про князя Всеслава. И приела Святославъ ис Чернигова в нощи по святаго Антониа. Антоний же пришед ко Чернигову и възлюби мѣсто, нарицаемое Болдины горы, ископавъ печеру и вселися ту. И есть ту манастырь Святыя Богородица на Болдиныхъ горах и донынѣ близъ Чернигова» [11, с. 476, 478].

Не менее красноречиво летописание. Так, летописное сообщение о создании в Киеве Ирининского и Георгиевского монастырей целиком соотносится с волей Ярослава Владимировича²¹. Аналогична ситуация и в отношении иных монастырей Киева: Дмитриевского Изяславлего монастыря, о строительстве кого нет никаких «прямых письменных известий», как об этом резонно высказался М. К. Каргер [11, с. 320; 21, стб. 147; 13, с. 261], Спасского монастыря в Берестове, о времени основания которого также нет никаких ясных данных [11, с. 377], Фёдорова вотча монастыря, основанного, судя по записи Мстиславом Владимировичем в 1129 г. без участия кого-либо из иерархов²², и, наконец, Кирилловского монастыря, об основании и об освящении которого нет никаких ясных известий, кроме 25 граффити Софиского собора и летописных известий 1171 и 1179 гг., упоминающих о связанных с этой церковью событиях [21, стб. 544, 612; 11, с. 377; 5, с. 61; 9, с. 130-145].

Первые летописные известия об участии русского первосвятителя в устройстве и освящении княжеских монастырей приходится на время митрополита Иоанна Продрома и князя Всеволода Ярославича. Использувавшаяся летописцем форма «при митрополите», скорее всего, отражала официальную протокольную запись, отражавшую не столько участие русского первосвятителя в торжествах, сколько его санкцию на создание обители и принятие данного монастыря под свой омофор. Так, под 1086 г. летопись извещает: «Всеволодъ заложит цркъвѣ стѣго Андрѣа при Иванѣ прпѣбномѣ митрополитѣ створи оу црѣви тоае манастырь» [21, стб. 197]. Не менее показательно сообщение 1088 г.: «Сѣна быѣ црѣки стѣго Михаила манастыря . Всеволожа митрополитомѣ Иваномѣ и епѣпыѣ Лукою . Исаемѣ . игоуменьство тогда держашу того манастыря . Лазоревѣ» [23, стб. 199]. Аналогична уже упорминавшаяся запись 1089 об освящении Успенской церкви Печерского монастыря : «Сѣна быѣ црѣки Печерьскае стѣа Бѣа . манастыря Федосьева Иваномѣ митрополитомѣ . і Локою Бѣлогороѣски епѣпкомѣ . і епѣпкупомѣ Ростовьски Исаемѣ . и Иваномѣ Черниговьскымѣ .

²¹ «<...> сии же премудрыи князь Ярославъ . то того дѣла створи Блѣвщнии на вратѣхъ . дать всегда радость градуу тому стѣмъ блѣвщениемѣ . Гѣнимѣ . и млтвою стѣа Бѣа . и архаанѣла . Гаврила . по семь стѣго Гевргиае манастырь . и стѣа Сѣрины» [21, стб. 139].

²² «Того же лѣта заложит Мѣстиславъ . цркъвѣ камену стѣго Федора . в Киевѣ сѣмъ Володимерь» [21, стб. 293].

епѣкупомъ . и Антоньемъ Гурьговскимъ . игуменомъ . при блѣговѣрно^М кнѣзи Всеволодѣ . державному Роускиаѣ земла . и чадома е^ѣ Володимера . и Ростислава воеводство держащу . Киевской тысящи . Ѧневи . игуменьство держащу Ивану» [21, стб. 199].

Несомненно, особым является известие об освящении грандиозного обширного Михайловского пятинефного собора в Переяславле²³ и в целом о строительных проектах митрополита Ефрема Переяславского [21, стб. 200]. Однако в данном случае нет никаких ясных данных, позволяющих говорить, что при данном соборе мог существовать монастырь. При этом ценным видится то, что это, пожалуй, один из первых примеров епископского храмового строительства на Руси.

Подводя некоторую черту под вышесказанным, нельзя не заметить, что изменения в положении митрополитов в отношении монастырей в границах Киева и его ближайших пригородов, рассматривавшихся как часть городского пространства, стали происходить только во времена Всеволода Ярославича. И уже во второй половине XII-XIII вв. присутствие или санкции архиереев при закладке и освящении храмов и монастырей становятся естественной нормой, при которой князья продолжали сохранять свою самостоятельность в дело строительства и обновления храмов²⁴.

И всё же положение святителей становится всё более значимым. В данном отношении показательно описание освящения Васильевской церкви 1183 г.: «В то же лѣтѣ^ѣ свѣщена бы^ѣ цркъ стѣго Васильа . аже стоит в Киевѣ на велицѣмъ дворѣ . великимъ свѣщѣниемъ . мѣца генвара во первыи днѣ . свѣщѣнымъ митрополитомъ . и блѣжнѣнымъ Никифоромъ . епѣпомъ Гурьговскимъ . и архимандритомъ Печерьскимъ . игуменомъ Васильемъ . созданъ ей бывши» [21, стб. 634]. Аналогично известие об освящении «великим освящением» в 1198 г. церкви святых Апостолов в Белгородской епископии: «Того же лѣтѣ^ѣ . мѣца . декабра въ . ѣ . днѣ . созда цркъ камену . стѣхъ апѣлъ . в Бѣлѣгородѣ . блѣговѣрныи кнѣзь Рюрикъ . приехавъ . ис Киева . и стѣи цркъ ка каменуоу . стѣхъ апѣлъ . епѣпѣа Бѣлогородьскаа . великимъ свѣщѣниемъ . блжнѣнымъ митрополитомъ . Никифоромъ . епѣпомъ . Андрѣаномъ . тоа цркъви столъ добрѣ праваца . епѣпѣмъ Юрьевскы^М созданъ ей бѣ живши блѣговѣрнымъ и хрѣтолюбивымъ . княземъ Рюрикомъ . Ростиславичемъ . выотою же и величествомъ . и прочимъ оукрашениемъ . всѣмъ в дивѣ . оудобренѣ» [21, стб. 706]. Подобное же известие под тем же годом сообщает о строительстве и освящении на новом княжеском дворе церкви Василия, небесного покровителя князя Рюрика: «Того же лѣта . созда великыи болюбивыи кнѣзь Рюрикъ . цркъ стѣго Васильа . во има свое . в Киевѣ на Новомъ дворѣ . свѣщена бы^ѣ великимъ свѣщѣниемъ митрополитомъ Никифоромъ . И епѣпомъ Бѣлогородьскимъ . Андрѣаномъ . и Юрьевскимъ епѣпомъ . мѣца генвара въ первыи днѣ» [21, стб. 707].

Аналогична ситуация и в Ростово-Суздальской земле. Пожалуй, только с конца XII в. участие епископов в освящении храмов стало восприниматься как важное событие и обязательная норма. Одно из первых таких упоминаний относится к 1189 г. в известии о великом освящении соборной церкви во Владимире: «Того^ж . лѣтѣ^ѣ . свѣсна бы^ѣ цркъы сборнаа стѣа Бѣа . великы^М свѣщѣ^М . блжнѣнымъ епѣпѣмъ Лукою . при кнѣзи велико^М Всеволодѣ и снѣ юго Костантинѣ . и Ѧрославичи Ростиславѣ зати юго . и бы^ѣ радость велика в градѣ Володимери . и свѣсна бы^ѣ на канунъ стѣое Бѣи Оуспенъа» [20, стб. 407]. Однако наиболее показательным является летописное известие 1200 г. о закладке храма в Успения в княгинином монастыре: «Того^ж . лѣтѣ^ѣ . мѣца июлиа . въ . еѣ . на памѣтѣ стѣго мѣка . Кюрика . и Оулиты . заложи блѣговѣрныи кнѣзь великыи Всеволодъ . Гюргеви^ѣ . цркъ камену . во има стѣое Бѣи . Оуспенъа . в манастыри княгининѣ . при блжѣнѣмъ епѣпѣ . Иванѣ» [20, стб. 415].

²³ Определённые итоги в области изучения данного храма представлены в статье А. А. Фрезе [32, с. 216-221].

²⁴ Так, обновление церквей во Владимире и в Суздале представлено исключительно как волеизъявление князя Всеволода [21, стб. 674].

Что же касается Новгорода, то здесь власть епископа над монастырями города, пригорода и городков Новгородской земли прослеживается на протяжении всей истории новгородской епископии начиная с епископа Никиты. При этом она выражалась не только в праве епископа санкционировать создание монастырей и храмов, но и в реальной способности поставлять игуменов по своему усмотрению, как ясно на это указывает запрет, приписываемый Антонию Римлянину, принимать в обители игуменов от епископа и князя.

4. Заключение

Таким образом, можно прийти к некоторым предварительным выводам. Прежде всего, они касаются порядка основания и признания монастырей в условиях домонгольской Руси. Во-первых, этот процесс был сложен и отражал крайне непростую каноническую и административную ситуацию в области местного церковного управления. Если на начальном этапе, в первый век после событий Крещения, здесь господствовала предельная свобода, выразившаяся в том, что основание большинства иноческих поселений возникали исключительно по желанию иноков или по воле князей, то со временем наблюдается тенденция к расширению прав архиереев в области контроля монашеской жизни. Судя по всему, первый успешный для кафедр опыт такого полноценного влияния святителя на иноческую жизнь обнаруживается в эпоху князя Всеволода и митрополита Иоанна Продрома. Однако участие епископов в основании обителей и освящении монастырских храмов стало нормой только с конца XII в. Исключением в этом ряду стал Новгород, где монастырская жизнь была взята под контроль епископами уже в начале XII в. Во-вторых, совершенно очевидно, что на начальном этапе христианизации Руси большинство монастырей возникали без признания со стороны епископата. В нём просто не нуждались. Единственная власть, к которой прибегали таковые поселения – княжеская. Однако, описывая историю становления Печерского монастыря, преп. Нестор все же различал создание монашеское поселение и монастырь. Первое – призвано ко спасению, второе – это комплекс хозяйственных и церковных строений, обеспечивающих статус иноческой общины. Вместе с этим совершенно очевидно, что первые поколения иноков более беспокоились не о создании монастырей, а о собирании общины единомышленников ради спасения. Что же касается поставленного вопроса о том, с какого момента община чернецов становится монастырем, то для иноков этот этим моментом становится создание обители. Для епископата же монастырь возникал лишь после получения святительской санкции при условии наличия необходимых строений и освящения храма.

Список источников и литературы

1. Абрамович, Д. И. (1902). *Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике*. СПб.: Отделение русского языка и словесности императорской академии наук. III, XXIX, 213 с.
2. Анкудинов, И. Ю. (1999). *О землевладении Антониева монастыря в XVI в. (Материалы к комментарию к «купчей Антония Римлянина») // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17)*. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 100–112.
3. Артемов, С. Н., Гайденок, П. И. (2022). Несколько штрихов к портрету преподобного Нестора Летописца (ещё раз к вопросу о церковных и монастырских архивах в домонгольской Руси) // *Христианское чтение*. № 3. С. 274-282.
4. Валк, С. Н. (2000). *Избранные труды по историографии и источниковедению / СПБНИИ РАН*. СПб.: Наука. 664 с.
5. Высоцкий, С. А. (1966). *Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.* Киев: Наукова думка. 238 с.

6. Данная Антония Римлянина Антониеву монастырю на землю у реки Волхова, купленную им у Смехна и Прохна Ивановых детей // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / подг. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валк. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 159.

7. Дробышева, М. М. (2020). Граффито № 25 из Софии Киевской: что мы знаем о покупке "Бояновой земли"? // Вестник Пермского университета. История. № 1 (48). С. 130-145.

8. Духовная Антония Римлянина // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / подг. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 159-161.

9. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д. С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI-XII вв. 542 с.

10. Zubov, D. V., Pirogov, V. I., Kuzenkov, P. V. (2020). *Афонские акты XI-XII веков по истории русского монашества на Святой Горе* // Метафраст. № 1 (3). С. 13-59.

11. Каргер, М. К. (1961). Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города: [В 2 т.] / Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние]. Т. 2: Памятники Киевского зодчества X-XIII вв. 661 с.

12. Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д. С. Лихачева и др. СПб: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 296-489.

13. Костромин, К. А. (2022). Создание церковной епископальной структуры на Руси в эпоху активного политогенеза конца X – первой половины XI века // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Т. 32. № 1. С. 42-54.

14. Морозов, М. А. (2006). *Императорское ктиторовство при Комнинах и Российские традиции* // Труды кафедры истории России с древнейших времён до XX в. / Отв. ред. Д. Ю. Дворниченко. СПб: Типография СПбГУ. С. 362-375.

15. Морозов, М. А. (2010). *Церковная собственность и ктиторовство в Византии при императоре Юстиниане* // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. № 2. С. 77-87.

16. [Новелла V (535 г.) О монастырях, монахах и игуменах] *Максимович К. А. Законодательство императора Юстиниана I о монашестве (часть 1): Новеллы V и LXXIX* // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2007. № 4 (20). С. 39-48.

17. Носов, А. В. (2023). *Сакрализация пространства основателями русских монастырей в XIV – XV веках*: Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Специальность 5.6.1 – «Отечественная история»; науч. рук. А. Е. Тарасов. М.: МГУ. 318 с.

18. Ольшевская, Л. А. (1999). *Типолого-текстологический анализ списков и редакций Киево-Печерского патерика* // Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / изд. подг. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М.: Наука. С. 253-315.

19. Пентковский, А. М. (2001). Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси / А. М. Пентковский; Моск. Патриархат. Моск. духов. акад., Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Изд-во Московской патриархии. 428 с.

20. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). 2. изд., Репр. воспр. Москва: Яз. славян. культуры, 2001. Т. 1: Лаврентьевская летопись. А-N, VIII, 733 с., [1] с

21. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). 2. изд., Репр. воспр. Москва: Яз. славян. культуры, 2001. Т. 2: Ипатьевская летопись. XVI, 938, L, [14] с.

22. Пономарев, Д., прот. (2023). *Международная конференция «Монашествующие погостских церквей Новгородской земли (по материалам кадастровых описаний конца XV — XVII века) // Древнерусское монашество в источниках и историографии (история, агиография, археология, философия, право, быт и нравы)»*. 5-6 июня 2023 г.: Программа конференции. СПб.: Типография СПбПДА. С. 39.

23. Пономарев, Д., прот. (2022). *Основание, становление и развитие Тихвинского Антониево-Дымского мужского монастыря. Опыт изучения малого монастыря Русского Севера*: монография. СПб.: Издательство Тимофея Маркова. 632 с.

24. *Правила православной церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского*. Репринт. изд.: СПб.-М.: Междунар. изд. центр православл. лит., 1994. Т. 1. XIX, 640, [1] с.

25. *Правила православной церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского*. Репринт. изд.: СПб.-М.: Междунар. изд. центр православл. лит., 1994. Т. 2. VII, 635, [3] с.

26. Приселков, М. Д. (2003). *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв.* СПб.: Наука, 2003. 244 с.

27. Секретарь, Л. А. (2011). *Монастыри Великого Новгорода и окрестностей*. М.: Северный паломник. 656 с.

28. *Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой*. СПб: Дмитрий Буланин, 2005. С. 233-272.

29. Тарасов, А. Е. (2021). *Еще раз о правовых основаниях создания монастырей на Руси // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана*. 2021. № 4 (25). С. 6–13.

30. Тарасов, А. Е. (2019). *Иосифо-Волоколамский монастырь и проблема основания русских обителей в XV веке // Novogardia*. № 4. С. 162-170.

31. Флоря, Б. Н. (2007). *Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье*: Сборник. М.: ЦНЦ «ПЭ». 528 с.

32. Фрезе, А. А. (2013). *Церковь св. Михаила в Переяславле и византийская архитектура IX – начала XIII века // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей*. Санкт-Петербург: НП-Принт. Вып. 3. / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. С. 216-221.

33. Цыпин, В. А., прот. (2012). *Каноническое право*. М.: Изд-во Сретенского монастыря. 863 с.

34. Шумило, С. В. (2017). *Перший давньоруський монастир на Афоні та його зв'язки з Київською Руссю: 1000 років // Афонское наследие: Научный альманах («The Athonite Heritage», а Scholar's Anthology)*. Вып. 5-6. Киев; Чернигов: Издание Международного института афонского наследия, 2017. С. 46-82.

35. Щапов, Я. Н. (1989). *Государство и церковь Древней Руси, X-XIII вв.* / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1989. 228 с.

36. Янин, В. Л. (1977). *Грамоты Антония Римлянина и их датирование // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород*. М.: Высшая школа. С. 58-59.

37. Talbot, A-M. (2019). *Varieties of Monastic Experience in Byzantium, 800–1453*. Notre Dame: University of Notre Dame Press. 295 p.

38. Thomas, J. (2000). *Byzantine monastic foundation documents: a complete translation of the surviving founders' typika and testaments / edited by John Thomas and Angela Constantinides Hero*; Washington: Trustees for Harvard University, 2021 p.

References

1. Abramovich, D. I. (1902). *Issledovanie o Kievo-Pecherskom paterike kak istoriko-literaturnom pamyatnike* [A study on the Kiev-Pechersk Paterik as a historical and literary monument]. Saint Petersburg, Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoj akademii nauk Publ. (in Russian).
2. Ankudinov, I. Yu. (1999). *O zemlevladienii Antonieva monastyrya v XVI v. (Materialy k kommentariyu k «kupchej Antoniya Rimlyanina»)* [About the land ownership of the Antoniev Monastery in the XVI century. (Materials for the commentary to the "bill of sale of Anthony the Roman")] in *Novgorodskij istoricheskij sbornik*. 7 (17). Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ. (in Russian).
3. Artemov, S. N., Gaidenko, P. I. (2022). *Neskol'ko shtrihov k portretu prepodobnogo Nestora Letopisca (eshchyo raz k voprosu o cerkovnyh i monastyrskih arhivah v domongol'skoj Rusi)* [A few strokes to the portrait of St. Nestor the Chronicler (once again to the question of church and monastery archives in pre-Mongol Russia)] in *Hristianskoe chtenie*, 3 (in Russian).
4. Valk, S. N. (2000). *Izbrannye trudy po istoriografii i istochnikovedeniyu* [Selected works on Historiography and source studies]. Saint Petersburg, Nauka Publ. (in Russian).
5. Vysotsky, S. A. (1966). *Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoj XI–XIV vv.* [Ancient Russian inscriptions of St. Sophia of Kiev XI–XIV centuries]. Kiev, Naukova Dumka Publ. (in Ukraine).
6. *Dannaya Antoniya Rimlyanina Antonievu monastyryu na zemlyu u reki Volhova, kuplennuyu im u Smekhna i Prohna Ivanovyh detej* [Given by Anthony the Roman to the Antoniev Monastery on the land near the Volkhov River, bought by him from Smekhna and Prokhna Ivanov children] in *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* (1949) / published by V. G. Geiman, N. A. Kazakov, edited by S. N. Valk. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ. (in Russian).
7. Drobysheva, M. M. (2020). *Graffito № 25 iz Sofii Kievskoj: chto my znaem o pokupke "Boyanovoj zemli"?* [Graffiti No. 25 from Sofia Kievskaya: what do we know about the purchase of "Boyanova Zemlya"?] in *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 1 (48). (in Russian).
8. *Duhovnaya Antoniya Rimlyanina* (1949). [The Spiritual Antonia of the Roman] in *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* / published by V. G. Geiman, N. A. Kazakov, edited by S. N. Valk. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ. (in Russian).
9. *Zhitie Feodosiya Pecherskogo* (1997) [The Life of Theodosius of the Caves] in *Biblioteka literatury Drevnej Rusi / RAS. In-t rus. lit. (Pushkin House)*; edited by D. S. Likhachev and others. Saint Petersburg, Nauka Publishing House, 1: XI-XII centuries. (in Russian).
10. Zubov, D. V., Pirogov, V. I., Kuzenkov, P. V. (2020). *Afonskie akty XI-XII vekov po istorii russkogo monashestva na Svyatoj Gore* [Athos acts of the XI-XII centuries on the history of Russian monasticism on the Holy Mountain] in *Metafrast*. 1 (3), 13-59. (in Russian).
11. Karger, M. K. (1961). *Drevnij Kiev: Ocherki po istorii material'noj kul'tury drevnerusskogo goroda* [Ancient Kiev: Essays on the history of the material culture of the ancient Russian city]: [In 2 volumes]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 2: *Pamyatniki Kievskogo zodchestva X-XIII vv.* [Monuments of Kiev architecture of the X-XIII centuries]. (in Russia).
12. *Kievo-Pecherskij Paterik* (1997) [Kievo-Pechersk Paterik] in *Library of literature of Ancient Russia / RAS. In-t rus. lit. (Pushkin House)*; edited by D. S. Likhachev and others. Saint Petersburg, Nauka Publ., 4: *XII v. [XII century]*, 296-489. (in Russian).

13. Kostromin, K. A. (2022). *Sozdanie cerkovnoj episkopal'noj struktury na Rusi v epohu aktivnogo politogeneza konca X - pervoj poloviny XI veka* [Creation of the Church episcopal structure in Russia in the era of active political genesis of the late X - first half of the XI century] in *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, 32, 1. (in Russian).
14. Morozov, M. A. (2006). *Imperatorskoe ktitorstvo pri Komninah i Rossijskie tradicii* [Imperial ktitorstvo under the Komnenos and Russian traditions] in *Trudy kafedry istorii Rossii s drevnejshih vremyon do XX v.* / Ed. by D. Y. Dvornichenko. St. Petersburg, SPBGU Publ. (in Russian).
15. Morozov, M. A. (2010). *Cerkovnaya sobstvennost' i ktitorstvo v Vizantii pri imperatore YUstiniane* [Church property and ktitorstvo in Byzantium under Emperor Justinian] in *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2. (in Russian).
16. *Novella V (535 g.) O monastyryah, monahah i igumenah* [Novella V (535) About monasteries, monks and hegumens] in Maximovich K. A. *Zakonodatel'stvo imperatora YUstiniana I o monashestve (chast' 1): Novelly V i LXXIX* [The legislation of Emperor Justinian I on monasticism (Part 1): Novellas V and LXXIX] in *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serias 1: Bogoslovie. Filosofiya*. 2007. 4 (20), 39-48. (in Russian).
17. Nosov, A.V. (2023). *Sakralizaciya prostranstva osnovatelyami russkih monastyrej v XIV – XV vekah* [The sacralization of space by the founders of Russian monasteries in the XIV – XV centuries: Diss. for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Moscow, MGU Publ. (in Russian).
18. Olshevskaya, L. A. (1999). *Tipologo-tekstologicheskij analiz spiskov i redakcij Kievo-Pecherskogo paterika* [Typological and textual analysis of the lists and editions of the Kiev-Pechersk paterik] in *Kievo-Pecherskij paterik. Volokolamskij paterik* / ed. L. A. Olshevskaya, S. N. Travnikov. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
19. Pentkovsky, A. M. (2001). *Tipikon patriarha Aleksiya Studita v Vizantii i na Rusi* [The Typicon of Patriarch Alexy the Studite in Byzantium and in Russia]. Moscow, Moscow Patriarchate Publ. (in Russian).
20. *Polnoe sobranie russkih letopisej* (2001). [The complete collection of Russian chronicles]. 2. ed., Repr. Moscow, Yaz. Slavyan. Culture Publ., 1: *Lavrent'evskaya letopis'* [Laurentian Chronicle]. A-N, VIII. (in Russian).
21. *Polnoe sobranie russkih letopisej* (2001). [The complete collection of Russian chronicles]. 2. ed., Repr. vospr. Moscow, Yaz. Slavyan. culture, 2: *Ipat'evskaya letopis'* [Ipatiev Chronicle]. XVI, 938. (in Russian).
22. Ponomarev, D., prot. (2023). *Mezhdunarodnaya konferenciya «Monashestvuyushchie pogostskih cerkvej Novgorodskoj zemli (po materialam kadastryh opisaniy konca XV — XVII veka)* [International conference "Monastics of the churchyard churches of the Novgorod land (based on the materials of cadastral descriptions of the end of the XV — XVII century)] in *Old Russian monasticism in sources and historiography (history, hagiography, archeology, philosophy, law, life and morals)*". June 5-6, 2023: Conference program. St. Petersburg, SPbPDA Publ. (in Russian).
23. Ponomarev, D., prot. (2022). *Osnovanie, stanovlenie i razvitie Tihvinskogo Antonievo-Dymskogo muzhskogo monastyrya. Opyt izucheniya malogo monastyrya Russkogo Severa* [Foundation, formation and development of the Tikhvin Antonievo-Dymsky Monastery. The experience of studying the small monastery of the Russian North: a monograph]. St. Petersburg, Timofey Markov Publ. (in Russian)

24. *Pravila pravoslavnoj cerkvi: s tolkovaniyami Nikodima, episkopa dalmatinsko-istrijskogo* (1994) [The rules of the Orthodox Church: with the interpretations of Nicodemus, Bishop of Dalmatian-Istria]. Reprint. ed.: St. Petersburg; Moscow, International publishing house of Orthodox literature, 1, XIX. (in Russian).

25. *Pravila pravoslavnoj cerkvi: s tolkovaniyami Nikodima, episkopa dalmatinsko-istrijskogo* (1994) [The rules of the Orthodox Church: with the interpretations of Nicodemus, Bishop of Dalmatian-Istria] St. Petersburg; Moscow, International publishing house of Orthodox literature, 2, VII. (in Russian).

26. Priselkov, M. D. (2003). *Ocherki po cerkovno-politicheskoj istorii Kievskoj Rusi X-XII vv.* [Essays on the ecclesiastical and political history of Kievan Rus of the X-XII centuries]. Saint Petersburg, Nauka Publ. (in Russian).

27. Secretary, L. A. (2011). *Monastyri Velikogo Novgoroda i okrestnostej* [Monasteries of Veliky Novgorod and the surrounding area]. Moscow: Severnyj palomnik Publ. (in Russia).

28. *Skazanie o zhitii prepodobnogo Antoniya Rimlyanina* [The legend of the life of St. Anthony the Roman] in *Svyatye russkie rimlyane: Antonij Rimlyanin i Merkurij Smolenskij* (2005) [Holy Russian Romans: Anthony the Roman and Mercury Smolensky] / ed. and research by N. V. Ramazanova. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ. (in Russian).

29. Tarasov, A. E. (2021). *Eshche raz o pravovyh osnovaniyah sozdaniya monastyrej na Rusi* [Once again about the legal grounds for the creation of monasteries in Russia] in *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tihogo okeana*. 4 (25). (in Russia).

30. Tarasov, A. E. (2019). *Iosifo-Volokolamskij monastyr' i problema osnovaniya russkih obitelej v XV veke* [The Iosifo-Volokolamsk Monastery and the problem of the foundation of Russian monasteries in the XV century] In *Novogardia*, 4, 162-170. (in Russian).

31. Florya, B. N. (2007). *Issledovaniya po istorii Cerkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e* [Research on the history of the Church. Old Russian and Slavic Middle Ages: A collection]. Moscow, CNC «PE» Publ. (in Russian).

32. Freze, A. A. (2013). *Cerkov' sv. Mihaila v Pereyaslavle i vizantijskaya arhitektura IX – nachala XIII veka* [St. Michael's Church in Pereyaslavl and Byzantine architecture of the IX – early XIII century] in *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. statej* [Actual problems of the theory and history of art: collection of scientific. Articles]. Saint Petersburg, NP-Print, 3. / edited by S. V. Maltseva, E. Yu. Stanyukovich-Denisova, 216-221. (in Russian).

33. Tsy-pin, V. A., prot. (2012). *Kanonicheskoe pravo* [Canon law]. Moscow, Sretenskogo monastyrya Publ. (in Russian).

34. Shumilo, S. V. (2017). *Pershij davn'orus'kij monastir na Afoni ta jogo zv'yazki z Kiivs'koyu Russyu: 1000 rokiv* [The oldest old Russian monastir on Mount Athos is the same zv'azki z Kievskaya Rus: 1000] in *Afonskoe nasledie: Nauchnyj al'manah («The Athonite Heritage», a Scholar's Anthology)*, 5-6. Kiev; Chernihiv, Izdanie Mezhdunarodnogo instituta afonskogo naslediya Publ., 46-82. (in Ukraine).

35. Shchapov, Ya. N. (1989). *Gosudarstvo i cerkov' Drevnej Rusi, X-XIII vv.* [The state and the Church of Ancient Russia, X-XIII centuries]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

36. Yanin, V. L. (1977). *Gramoty Antoniya Rimlyanina i ih datirovanie* [The letters of Anthony the Roman and their dating] in *Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniya: Srednevekovyj Novgorod* [Essays of complex source studies: Medieval Novgorod]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 58-59. (in Russian).

37. Talbot, A.-M. (2019). *Varieties of Monastic Experience in Byzantium, 800–1453*. Notre Dame, University of Notre Dame Press. (in English).
38. Thomas, J. (2000). *Byzantine monastic foundation documents: a complete translation of the surviving founders' typika and testaments* / edited by John Thomas and Angela Constantinides Hero; Washington, Trustees for Harvard University. (in English).